

ПЫТКИ

в политически
мотивированных
уголовных
преследованиях

ПЫТКИ

в политически мотивированных уголовных преследованиях

Главное

- После начала полномасштабного вторжения в Украину пытки стали применяться чаще.
- Вероятность подвергнуться пыткам зависит от социально-демографических характеристик преследуемого, региона, статьи по которой возбуждено дело.
- Пытки в политически мотивированных делах — это заранее планируемые действия.
- Пытки — это не эксцессы исполнителей, они целенаправленно применяются как дополнительный элемент системы наказаний.
- Государство стало публично демонстрировать пытки в целях устрашения и запугивания.

О чём этот обзор

Пытки широко распространены в современной России. Пытают правоохранители в ходе расследования уголовных и административных правонарушений, пытаются осуждённых, находящихся в местах лишения свободы, в Чечне похищают и пытаются людей, против которых официально не выдвинуто никаких обвинений, насилие в российской армии после начала полномасштабного вторжения в Украину вышло на новый уровень и приобрело шокирующие формы, есть многочисленные свидетельства о чудовищных издевательствах, которым подвергаются украинские военнопленные и гражданские лица. И этот перечень можно долго продолжать, например, упомянуть полицейские рейды против мигрантов или ЛГБТ и т. д. Пытки становятся всё более распространённой и обыденной практикой.

В нашем обзоре мы остановимся лишь на небольшой части этой ужасной реальности — на пытках в связи с политически мотивированным

уголовным преследованием. Все приведённые данные и конкретные случаи касаются только тех уголовных дел, которые, по нашей оценке, имеют признаки политической мотивации.

Мы не будем описывать конкретные виды пыток. С тем, насколько изобретательны российские силовики, можно ознакомиться, например, в [«галерее пыток»](#) «Команды против пыток» или в [докладе](#) Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Марианы Кацаровой.

В нашем обзоре мы попытаемся описать основные изменения, которые произошли в этой преступной практике в последние годы — с момента начала полномасштабного вторжения в Украину, и как она выглядит в настоящее время.

Материал основан на базе данных проекта «Поддержка политзаключённых. Мемориал». В ней собрано более 7000 уголовных дел с признаками политической мотивации. Наши источники — это карточки судов, пресс-релизы правоохранительных органов, публикации СМИ, обращения пострадавших и их родственников и др. Используемые данные актуальны на 3 июня 2025 года.

Как правило, пытки совершаются скрытно, и большинство случаев остаются неизвестными. Мы располагаем информацией только о тех случаях, когда пострадавшие осмелились рассказать о случившемся. На практике пытки применяются значительно чаще. Поэтому обзор не претендует на количественную оценку масштабов проблемы. Это скорее набор обоснованных гипотез.

Пытать стали чаще

С началом полномасштабного вторжения в Украину масштабы политически мотивированных уголовных преследований резко возросли. Если в 2015–2021 годах мы фиксировали в среднем около 250

таких дел в год, то с 2022 года ежегодный показатель вырос почти до 1,5 тысяч.

Параллельно увеличилось и число случаев применения пыток — как в абсолютных цифрах, так и по доле от общего числа дел.

Таблица 1. Политически мотивированные уголовные дела и пытки

	2015-2021 гг. (7 лет)	2022-2025 гг. (3,5 года)
Кол-во возбуждённых уголовных дел	1815	4801
Кол-во дел, в которых зафиксированы пытки	46	203
Доля дел, в которых зафиксированы пытки	2,5 %	4,2 %

Источник: проект «Поддержка политзаключённых. Мемориал». Данные на 3 июня 2025 г.

Есть все основания полагать, что рост доли дел с применением пыток после 2022 года выше, чем отражено в цифрах. Есть, как минимум три фактора, которые позволяют это утверждать:

1. **Многие дела ещё не дошли до суда**, а о пытках часто становится известно именно в ходе судебного процесса.
2. **Резкое увеличение числа дел** усложняет мониторинг и снижает внимание общества к отдельным случаям.
3. **Государство активно препятствует любому общественному контролю** в этой сфере, в частности, проводит суды в закрытом режиме, преследует журналистов и правозащитников.

На этом фоне можно с высокой долей уверенности утверждать: пытки в политически мотивированных уголовных делах стали применяться значительно чаще, чем до войны. Вероятно, речь идёт о кратном росте.

Пытки в разных группах преследуемых

Различные группы преследуемых по политическим мотивам могут столкнуться с пытками с разной степенью вероятности. Мы обобщили имеющиеся в нашей базе данные, чтобы выделить категории преследуемых, которые в большей степени рискуют стать жертвами пыток.

Возраст

В возрасте **от 21 до 30 лет** вероятность¹ стать жертвой пыток **в 1,4 раза** выше, чем для среднего преследуемого. Вообще возраст слабо защищает от пыток: насилию подвергаются как несовершеннолетние, так и пожилые преследуемые. Однако молодежь от 21 до 30 лет силовики пытаются более охотно.

Пол

Мужчины подвергаются пыткам **в 2,1 раза** чаще, чем женщины. Ещё недавно пытки в отношении женщин в целом были редкими эксцессами, а в политически мотивированных делах не фиксировались вовсе. Однако, как уже отмечалось в нашем [обзоре](#), посвящённом политически мотивированным преследованиям женщин, с началом войны более мягкое отношение правоохранителей к женщинам стремительно исчезает. Репрессивная машина обращает на пол жертв всё меньшее внимание, и это касается даже применения пыток. Там же мы приводили [показания](#) украинки [Натальи Власовой](#), которые она дала в российском суде, с шокирующими подробностями того, через что ей пришлось пройти.

¹ Показатель того, насколько выше вероятность стать жертвой пыток для той или иной группы, рассчитывался как соотношение доли подвергшихся пыткам в группе к аналогичной доле в группе, взятой в качестве контрольной. Какие группы брались в качестве контрольных, указано в описании. В данном случае сравнивалось применение пыток в группе от 21 до 30 лет и среди всех преследуемых.

Гражданство

Украинцы в 4,4 раза чаще подвергаются пыткам, чем преследуемые по политическим мотивам граждане РФ и других стран. Ещё раз подчеркнём, что речь идёт только о тех, в отношении кого были возбуждены политически мотивированные уголовные дела. Украинские военнопленные и похищенные гражданские лица, не преследуемые в уголовном порядке, здесь не учитываются. При этом имеются многочисленные свидетельства издевательств над ними.

Оккупированные территории

В случае уголовного преследования в Крыму и Севастополе, которые были «присоединены» в 2014 году, вероятность пыток выше в **1,9 раза**, чем в среднем по России вместе с оккупированными территориями.

В «новых»² оккупированных регионах ситуация заметно хуже. Вероятность пыток выше в Донецкой области **в 3 раза**, в Запорожской — в 5 раз, в Херсонской — в 7,2 раза. Оккупированные территории выделяются особым пренебрежением к законам и правам обвиняемых даже по сравнению с самой Россией. Официальному предъявлению обвинению зачастую предшествует похищение и содержание в местах заключения в течение длительного времени (зачастую многих месяцев) вне всякого процессуального статуса, с регулярным применением пыток.

Чеченская республика

Однако преследуемые по политическим мотивам в Чеченской республике рискуют столкнуться с пытками даже больше, чем обвиняемые на оккупированных территориях — в 14,6 раз чаще, чем в среднем по РФ вместе с оккупированными территориями. Возможно,

² Данные по Луганской области не приводятся в связи с недостаточным количеством известных случаев политически мотивированных преследований.

следует говорить, что пытки — практически обязательный элемент политически мотивированных дел в Чечне.

Пытки в зависимости от обвинения

Вероятность применения пыток сильно зависит от того, по какой статье возбуждено уголовное дело. Некоторые статьи являются очевидным триггером для применения пыток. Ниже приводятся сравнения вероятности применения пыток к обвиняемым по определённым статьям по отношению к вероятности пыток по политически мотивированным делам в целом.

В случае обвинения в по ст. 205 УК РФ («Террористический акт») вероятность подвергнуться пыткам в 1,6 раза выше, чем в среднем по политически мотивированным делам. Эта статья стала активно использоваться для политических преследований противников войны и российской власти. Понятие «террористического акта» стало трактоваться исключительно широко. К примеру, поджоги военкоматов, которые до 2022 года или в первые месяцы полномасштабной войны квалифицировались, как умышленное повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), теперь всё чаще трактуются как теракт. Приготовление и покушение на теракт, а это около половины от всех возбуждённых по этой статье политически мотивированных уголовных дел, вероятно, в большом числе случаев являются следствием провокаций российских спецслужб.

Руслан Сидики

Гражданин России и Италии. Задержан в ноябре 2023 года. Обвинён в организации взрывов на военном аэродроме и железной дороге. Не отрицает, что совершил эти подрывы, но категорически отказывается от того, что планировал иные атаки — эти показания его под пытками заставили подписать силовики. Неоднократно был избит, подвергался пытке электротоком. Вот как он [описывает](#) первые пытки после задержания: *«После того, как я согласился сотрудничать и давать показания, мне задали вопрос, имеются ли у меня хронические заболевания. После моего ответа “нет” мне кто-то из этих людей нанёс удар по голове, и я упал на пол. В кабинете в этот момент было не менее шести человек. Когда*

я лежал на полу, мне наступили на руки и на ноги, чтобы я не мог ими двигать, хотя я никакого сопротивления не оказывал. Мне оголили части ног в районе щиколоток, и я почувствовал, что они мне что-то привязывают... далее один из них сказал кому-то: "Звони!". В этот момент по моему телу пошёл разряд электрического тока, сильно сокращая мышцы до невыносимой боли, я сильно кричал и бился головой об пол, один из них стоял передо мной и снимал меня на телефон <...> из-за того что я кричал, мне засунули тряпку в рот <...> Кроме этого, люди, которые пытали меня, оказывали моральное давление угрозами снять кожу с половых органов, используя клещи, и другие фантазии, такие как изнасилование разными предметами». При поступлении в ИВС и СИЗО у Сидики были зафиксированы телесные повреждения. Приговорён к 29 годам лишения свободы.

При обвинении в государственной измене (ст. 275 УК РФ) вероятность пыток выше в 1,9 раза. Понятие госизмены было расширено и трактуется очень широко, количество возбуждаемых дел по этой статье [выросло](#) с начала полномасштабного вторжения не в разы, а на порядки. Дела о госизмене также часто строятся на провокации спецслужб.

Александр Димитренко

Житель Воронежской области. Задержан ФСБ в мае 2022 года. После начала обыска ему на голову надели полиэтиленовый мешок и избивали, заставив произнести на видеокамеру признание. Второй раз подвергся пыткам во время допроса и вывоза на следственный эксперимент — с требованием отказа от жалоб и ходатайств адвоката. По прибытии в ФКУ СИЗО-3 у Димитренко были зафиксированы телесные повреждения. В ходе обыска, по заявлению Дмитриенко, ему были подброшены «улики». От признательных показаний отказался. Приговорён к 22 годам 6 месяцам лишения свободы.

Вероятность подвергнуться пыткам возрастает в 3,6 раза при обвинении в организации террористического сообщества или участия в нем (ст. 205.4 УК РФ). Эта статья зачастую применяется для преследования украинских военнослужащих, в частности служивших в подразделениях, которые российские суды считают террористическими, например, «Азов» и «Айдар».

Дмитрий Лисовец

Гражданин Украины, житель Мариуполя. В 2016-17 годах служил в «Украинской добровольческой армии», а в 2020-21 — в ВСУ. На начало полномасштабной войны проживал в Мариуполе как гражданское лицо. Пытался покинуть город по открытому

коридору, был задержан на фильтрационном пункте. В СИЗО-2 Таганрога подвергался избиениям и пыткам. От Лисовца требовали признания, что он участвовал в боевых действиях. Приговорён к 16 годам лишения свободы.

Наличие в деле оружия (ст. 222.1 УК РФ) или взрывчатки (ст. 223.1 УК РФ) повышает вероятность пыток в 3,1 и 4 раза соответственно. Похоже, обнаружение у преследуемого оружия, боеприпасов или взрывчатки (даже если они были подброшены самими силовиками) воспринимается ими как обоснование необходимости применения пыток и одновременно — индульгенция от любых последствий.

Владислав Есипенко

Гражданин Украины и России, до 2015 года проживал в Крыму. Украинский журналист. В феврале 2021 приехал в Крым в связи со своей профессиональной деятельностью. Был задержан ФСБ. В его машине была якобы найдена граната. По версии ФСБ, Есипенко опросили, а потом отпустили под обязательство прийти в УФСБ на следующее утро, что тот и сделал. Есипенко излагает иную версию событий: *«В результате обыска в мою машину была подброшена граната <...> После обыска, я отказывался подписывать любые документы, но мне сказали, что меня сейчас отвезут в другое место, где я всё подпишу. Затем мне надели мешок на голову, посадили в машину и привезли <...> в какой-то подвал без окон. В этом подвале, сотрудники ФСБ (все они были в балаклавах) насильно раздели до гола <...> Затем меня положили на пол и на уши одели две петли, провода которых шли к предмету, похожему на армейский полевой телефон ТАП 57. Затем по проводам пустили ток. Боль была очень сильная, глаза взрывались огнями, а мозг как будто закипал. От такой боли я готов был признаться в чём угодно и подписать любые бумаги. Всю ночь меня пытали <...> К утру я дал признательные показания на камеру и подписал какие-то документы».* В дальнейшем Есипенко отказался от признательных показаний. Приговорён к 5 годам лишения свободы.

Ещё одна «пыточная» статья — организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём (ст. 208 УК РФ), обвинение по ней повышает риск пыток в 3,5 раза. После начала полномасштабного вторжения в Украину применяется главным образом против украинцев, обвиняемых в сопротивлении российской агрессии и имевших отношение к тем или иным военизированным формированиям Украины, а также граждан России, которые якобы хотели присоединиться к

российским подразделениям ВСУ (Русский добровольческий корпус, Легион «Свобода России») до объявления их «террористическими».

Евгений Казанцев

Гражданин России. Проживал на территории Украины. По одной из версий, после начала войны вступил в состав войск территориальной обороны. По версии обвинения, был участником вооружённого формирования «Правого сектора». Попал в плен в марте 2022 года. Подвергся пыткам, при доставлении в СИЗО Курска Казанцев получил обморожение и у него были ампутированы пальцы ног. Вскоре было опубликовано видео, в котором Казанцев с ссадинами и синяком на лице признаётся в участии в «Правом секторе», рассказывает и призывает военнослужащих Украины сдаваться. Позже Казанцев отказался от признательных показаний. Приговорён к 11 годам 11 месяцам лишения свободы.

Обвиняемые в шпионаже (ст. 276 УК РФ) подвергаются пыткам в 4,2 раза чаще, чем жертвы политически мотивированного преследования в среднем. После начала войны количество дел о шпионаже резко выросло. Большинство преследуемых — граждане Украины. Пытки в этих делах, вероятно, рассматриваются сотрудниками ФСБ как важный элемент расследования.

Сергей Цыгипа

Гражданин Украины, пенсионер, проживал в городе Новая Каховка Херсонской области. После оккупации города выступил организатором нескольких проукраинских митингов. Похищен в марте 2022 года, более 9 месяцев содержался в заключении без какого-либо процессуального статуса. При вынесении приговора этот период не был учтён. Регулярно подвергался пыткам, что подтверждается свидетельскими показаниями. Под пытками оговорил себя и принял участие в записи пропагандистских роликов. Адвокат, которого наняла семья, почти год не мог получить доступ к обвиняемому, это стало возможно только после начала судебного процесса. Во время суда от признательных показаний отказался. Приговорён к 13 годам лишения свободы.

Самой «пыточной» является ст. 361 УК РФ («Акт международного терроризма») в случае её применения пытки используются чаще в 12,9 раз. Эта статья предусматривает ответственность за осуществление террористического акта за пределами России. Обвиняемые — это граждане Украины, якобы собиравшиеся осуществлять диверсионные действия на территории оккупированных регионов до их «включения» в состав РФ, когда эти регионы с точки зрения российских властей ещё не

были частью России. Расследование этих дел сопровождается похищениями, пытками, фабрикации улик.

Ярослав Жук

Гражданин Украины, житель Мелитополя. Похищен в июне 2022 года. После похищения около шести дней содержался в подвале с мешком на голове, его били током и тупыми предметами, поджигали ступни, не давали еды, длительное время он находился в наручниках. Почти два месяца не имел процессуального статуса, местонахождение было неизвестно. После официального возбуждения уголовного дела пытки продолжились в Симферопольском СИЗО. Доставлялся прямо на судебные заседания со следами побоев. Заставили под пытками подписать три варианта признательных показаний и выучить их наизусть, записать «видеопризнание», а также оставлять отпечатки на различных предметах. Сотрудники ФСБ предупреждали, что в случае отказа от признательных показаний его и его семью ждёт расправа. Во время процесса отказался от данных под пытками показаний. Приговорён к 14 годам лишения свободы.

Зачем пытаются?

«Команда против пыток» в своём [исследовании](#), посвящённом применению пыток в более широком контексте, нежели в политически мотивированных преследованиях, отмечает распространённость *«спонтанных насильственных действий, применяемых в ситуации, когда силовик или военный решает “обезвредить” своего оппонента, продемонстрировать своё превосходство или за что-то его покарать»*. По нашим оценкам, в политически мотивированных уголовных делах этот мотив встречается реже. Пытки в подобных делах, как правило, являются не спонтанными, а продуманными и заранее запланированными действиями. Их применяют не потому, что обвиняемый «разозлил» силовика, а с вполне конкретными целями.

Ещё один из мотивов, который выделяет «Команда против пыток», — это «стремление получить какую-либо информацию, закрыть показатели и поскорее раскрыть дело». В политически мотивированных уголовных делах это, вероятно, наиболее частая причина применения пыток.

Пытка как способ получения признания

Пытки традиционно рассматриваются правоохранителями как быстрый и «эффективный» способ получения доказательств. Вместо кропотливой работы по сбору улик можно за короткий срок добиться признания вины и нужных показаний. Обычно пытки начинаются сразу после фактического задержания подозреваемого, например, во время обыска. От задержанного требуют «добровольно» предоставить доступ к телефону и дать признательные показания. Насилие может продолжаться и до первого допроса, и во время его проведения. После получения признания и всей интересующей информации пытки могут прекратиться.

Если задержанный не признается или если от него требуют показаний по новым эпизодам, допросы с применением пыток продолжаются. Иногда обвиняемых для этого вывозят из ИВС или СИЗО в специальные помещения или даже в лес. Как правило, всё это время задержанный, подвергающийся издевательствам, находится в условиях полной изоляции, его место нахождения скрывают и от родственников, и от адвокатов.

Признания, полученные на первых допросах, часто ложатся в основу обвинительных приговоров. Отказ от этих показаний в суде, заявления об их получении под пытками, даже при наличии свидетельских показаний (например, родственников, присутствовавших во время обыска) или зафиксированных травм, суды игнорируют. Такие заявления трактуются как попытка избежать наказания. В итоге приговоры в значительной степени основаны на признаниях, полученных под пытками.

Показательным примером реакции системы на заявления о пытках является дело [Ивана Кудряшова](#). Кудряшов подвергся пыткам, следы которых были зафиксированы при его осмотре в ИВС, а затем в СИЗО. Однако в возбуждении уголовного дела по его заявлению было отказано. Следственный комитет по Тверской области объяснил отказ тем, что

«установить точную давность образования повреждений <...> не представляется возможным, так как в представленной на исследование документации не описаны цвет кровоподтёков, состояние дна ссадин».

В отличие от «обычных» уголовных дел, в политически мотивированных делах защита жертв пыток практически невозможна. Нам не известны случаи, когда суд отказался бы выносить обвинительный приговор из-за применения пыток в подобных делах или когда сотрудники правоохранительных органов были привлечены к ответственности.

Пытка как часть наказания

С началом вторжения в Украину российское законодательство существенно изменилось. В Уголовный кодекс были введены новые статьи (о «фейках» и дискредитации вооружённых сил, сотрудничестве с иностранцами на конфиденциальной основе и др.), уже существующие — расширены (например, понятие госизмены). Многие нормы сформулированы столь размыто и неопределённо, что допускают произвольное толкование. Одновременно с этим наказания по статьям, часто применяемым в политических делах, существенно ужесточились.

Эти изменения направлены на то, чтобы любое проявление несогласия можно было квалифицировать как преступление. Любые формы выражения альтернативного мнения должны быть исключены, а наказания — быть максимально суровыми.

В этом контексте применение пыток можно рассматривать как дополнительный элемент системы наказаний, который внедряется вполне осознано и целенаправленно, делает наказание ещё более суровым. На это, в частности, указывала Специальный докладчик ООН по правам человека в России Мариана Кацарова. В её [докладе](#) говорится: «Пытки используются как метод наказания и запугивания политических заключённых и антивоенных активистов».

Можно уверенно утверждать, что применение пыток в политически мотивированных уголовных делах, особенно если преследуемый

обвиняется в сотрудничестве с Украиной или участии в радикальных акциях протеста, рассматривается руководством правоохранительных органов и спецслужб как дополнительный элемент наказания, допустимый и поощряемый. Отдаются ли исполнителям прямые приказы или создаётся соответствующая атмосфера, не столь важно. Мы наблюдаем множество случаев, когда пытки применяются не с целью формирования «доказательной базы» и получения признаний, а как элемент наказания только для того, чтобы заставить человека страдать. Замысел, очевидно, состоит в том, чтобы сделать наказание ещё более суровым и произвольным, а «цену» совершения «политических» преступлений максимально высокой. В качестве одного из наиболее характерных примеров в этой связи можно привести «Дело ставропольских байкеров».

«Дело ставропольских байкеров»

Сергей Дудченко, Николай Мурнев, Кирилл Бузмаков, Владимир Бурмай и Расим Булгаков — жители Ессентуков, байкеры из местного мотоклуба. Все пятеро придерживались антивоенных взглядов. Весной 2022 года Дудченко организовал одиночный мотопробег с украинским флагом и опубликовал об этом пост в Instagram. Это привлекло внимание силовиков, против байкеров было возбуждено дело.

Вот как описывает своё задержание Сергей Дудченко. Пытки начались сразу в машине, куда его затащили. Силовики требовали сообщить им пароль от телефона, надели на голову пакет. *«Меня распёрли в позе ласточки, коленями в пространство для ног, головой в заднее сиденье упёрли <...> Я пытался спрашивать, — что здесь происходит. На каждый такой вопрос меня начинали бить <...> они по очереди залезали в машину и начинали охаживать мой бока. Я думал, что у меня рёбра будут сломаны все. У меня замедлилось дыхание, мне было тяжело дышать, аритмия, плюс дикий страх. Это избиение продолжалось на протяжении 20 минут <...> При этом краем уха я услышал: "это же он с флагом ездил?"»*. Позже Дудченко вывозили на несколько дней из СИЗО, держали в неизвестном месте, избивали, пытали электротоком.

Жестоким пыткам подвергся Кирилл Бузмаков. Ему выбили зубы, сломали лицевую кость и нижнюю челюсть. Неоднократно имитировали расстрел. Впоследствии на челюсти возникла опухоль и развились патологические воспалительные процессы. Находясь в СИЗО, Бузмаков долгое время не получал медицинской помощи, даже когда челюсть визуально увеличилась в два-три раза, и мужчина потерял способность говорить. В гражданской больнице

Бузмакову полностью удалили челюсть и язык, в связи с этим мера пресечения ему была заменена на домашний арест. Через четыре месяца Бузмаков умер.

Пытка как элемент кампании устрашения

Пытки используются не только как способ получения признаний или элемент наказания, но и как средство устрашения. Их демонстрация — ранее невозможная — становится частью публичной политики.

Самый яркий пример публичной демонстрации пыток не связан с политически мотивированными уголовными делами — это пытки террористов, напавших на «Крокус Сити Холл». В частности, были [опубликованы](#) видео, где одному из них отрезают ухо, и фото, где другого пытаются током, подключив его к гениталиям.

Однако демонстрация пыток или их очевидных последствий часто присутствует и в политически мотивированных делах. Примером, этого может служить «Маяковское дело».

«Маяковское дело»

Николай Дайнеко, Артём Камардин и Егор Штовба — жители Москвы, поэты и гражданские активисты. В сентябре 2022 года читали у памятника Владимиру Маяковскому в Москве антивоенные стихи. Видео мероприятия в тот же вечер было выложено в Интернете. На следующий день в квартирах подозреваемых прошли обыски, их избили. Камардина изнасиловали грифом от разборной гантели. Силовики сняли видео, в котором обвиняемые стоят на коленях, с закованными за спиной руками и извиняются. У некоторых на лице видны очевидные следы побоев. Видео с извинениями было опубликовано в Интернете. Стоит отметить, что силовикам не нужны были какие-либо признания или информация со стороны обвиняемых: видео с декламированием стихов, которое стало основным доказательством, у них уже было. Избиение было очевидным элементом наказания, а размещение видеозаписи с извинениями — частью кампании устрашения противников войны. Обвиняемые приговорены к лишению свободы на сроки от 4 до 7 лет.

В качестве «облегчённой» версии демонстрации пыток можно рассматривать набравший популярность жанр извинений, которые приносят жертвы политически мотивированных дел. Для большинства зрителей очевидно, что эти извинения носят недобровольный характер и

даны в результате угроз или прямого насилия. Распространение такого рода видео по замыслу властей, вероятно, должно запугать и деморализовать противников режима. В качестве примера можно привести дело Богдана Зизы.

Богдан Зиза

Гражданин России и Украины, житель крымского города Евпатория, граффити-художник. Обвинён в том, что облил краской здание городской администрации и бросил в него бутылки с зажигательной смесью, а также призывал к аналогичным действиям в Интернете. Крымское телевидение показало видео с его извинениями. Вот как сам Зиза описывает создание ролика: *«Наверное, удивлю вас, но таких видео с моим “извинением” как минимум пять. Первое попало в СМИ, второе — в материалах дела, ещё несколько были забракованы. Снимают их непосредственно работники ФСБ <...> они сначала заставили меня записать одно видео, которое отправили на проверку какому-то своему начальнику. Потом — другое, когда тот ответил, что как-то я не очень искренне каюсь. Я намеренно не показывал никаких эмоций, поэтому меня опять били. Актер я не очень хороший, а ещё текст постоянно изменялся. То мне нужно было извиниться перед российской армией, потом — перед Путиным».* Приговорён к 15 годам лишения свободы.